

НОМО DOMINUS¹. О ЗНАКАХ СОБСТВЕННОСТИ В СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ ПЕРВОБЫТНОСТИ (Часть 1)

© 2018 г. Р.М. Мунчаев*, Ш.Н. Амиров**

Институт археологии РАН, Москва, Россия

* E-mail: raufmunchaev@mail.ru

** E-mail: shahmardan@mail.ru

Поступила в редакцию 08.02.2018 г.

Статья посвящена диахронному анализу знаков собственности (печатей), обнаруженных в ходе исследований российской археологической экспедицией разновременных памятников Северной Месопотамии, от хассунской культуры до культуры периода Ниневия 5, датируемых в интервале от второй половины VII до начала III тыс. до н.э.

Ключевые слова: печати-штампы, цилиндрические печати, хассунская культура, халафская культура, убейдская культура, поздний халколит Северной Месопотамии, культура Ниневия 5.

DOI: 10.31857/S086960630001601-0

Исследования экспедиции Института археологии РАН, проведенные в Ираке и Сирии в 1969–2010 гг., были посвящены изучению памятников поздней первобытности, от времени возникновения производящей экономики до эпохи становления государственности и цивилизации. Проведенные раскопки охватывают период культурного развития в Северной Месопотамии от второй половины VIII до конца первой трети III тыс. до н.э.² (Бадер, 1989; Мунчаев, Мерперт, 1981; Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004; Мунчаев, Амиров, 2016). Изученные экспедицией памятники принадлежат следующим археологическим культурам и культурным периодам: докерамический неолит, или PPNB (поселение Телль Магзалийя); Протохассуна – Хассуна (поселения Телль Сотто, Кюль-Тепе, Ярым-Тепе 1, Телль Хазна 2); Халаф (поселения Ярым-Тепе 2, Ярым-Тепе 3, Телль Хазна 2); Северный Убейд (поселение Ярым-Тепе 3); Ранний халколит (поселение Шейх-Хомси); Поздний халколит – Ранняя бронза (поселение Телль Хазна 1).

Одной из категорий находок, достаточно часто встречающихся при раскопках разновремен-

ных археологических памятников Переднего Востока и сопредельных территорий, являются знаки собственности – печати, которые представлены в виде штампов и цилиндров³. Они, в частности, были обнаружены на нескольких исследованных экспедицией поселениях.

Печати-штампы, судя по всему, впервые появляются в Левантийской части “Плодородного полумесяца” во второй половине VIII тыс. до н.э. (Wickede, 1990. Р. 41–50. Tab. 1–14; Denham, 2013. Р. 315, 316), а печати-цилиндры – во второй половине IV тыс. до н.э. в Шумере и Шушане (Сузиане), а также на сопредельных территориях (Amiet, 1980; Collon, 1987. Р. 13–19; Pittman, 1994; Rova, 1994). Идея использования печатей достаточно быстро распространяется на значительные территории. Печати-штампы эпохи керамического неолита VII–VI тыс. до н.э. известны далеко за пределами Месопотамии, в Анатолии и Южной Европе, в Балкано-Карпатском ре-

³ Если цилиндры имеют только одно функциональное назначение и практически все являются знаками собственности, то с штампами ситуация более сложная. Штампы с рельефно нанесенным изображением могут иметь несколько функций. Помимо знаков собственности (печатей), они могут представлять собой штампы (пинтадеры), которые могли использоваться для декорирования текстиля, хлеба, кожи людей и животных (Wickede, 1990. Р. 55–67; Duistermaat, 2013. Р. 317), а также выполнять функцию украшения, которое надевали на шею.

¹ Человек, владеющий собственностью (*лат*).

² Отрезки времени внутри обозначенного хронологического интервала, когда население в данном регионе практически отсутствовало, были значительно короче, чем периоды, документированные культурными отложениями.

гионе и даже на Апеннинском п-ове и о. Кипр. (Mellaart, 1975. P. 105; Wickede, 1990. P. 60–70; Sagona, Zimansky, 2009. P. 119, 120; Makkey, 1984. P. 72–99; Skeates, 2007). В эпоху халколита цилиндрические печати также быстро распространяются на значительные территории, достигая к концу IV тыс. до н.э. побережья Персидского залива (Pittman, Potts, 2009) и Северной Месопотамии (Oates J., Oates D., 1997. P. 294. Fig. 14), а к началу III тыс. до н.э. — Закавказья, Северного Кавказа и Балкано-Карпатского региона (Нехаев, 1986; Пилипосян, 1988; Бочковой, Марченко, Лимберис, Резепкин, 2012. С. 99. Рис. 3; Личели, Самсония, 2010; Makkey, 1984. P. 151, 152. Fig. XXV–XXVI).

Для времени до возникновения письменности печати и их оттиски являются единственными свидетельствами, указывающими на обладание собственностью как отдельными лицами, так и коллективами (родственными либо профессиональными). Использование печатей документирует права собственности на временно отчужденные от владельца материальные объекты, ими чаще всего опечатывали емкости и контейнеры; печати являются свидетельствами торгово-обменных операций⁴. Следует отметить, что межрегиональные обменные контакты на Переднем Востоке отмечены начиная с эпохи эппалеолита (Mellaart, 1975. P. 28). Однако, самые ранние печати-штампы, судя по всему, известны с рубежа докерамического и керамического неолита. Они датируются второй половиной VIII — началом VII тыс. до н.э. на поселениях Телль Рамад, Айн эль Керх, Рас Шамра Vc, Букрас, Телль эль-Коум 2, Телль Шир. (Wickede, 1990. P. 41–49; Duistermaat, 2013. P. 317; Denham, 2013. P. 315, 316). Судя по всему, появление печатей свидетельствует о том, что в это время для отдельных членов общин торгово-обменные операции становятся систематическими, регулярно повторяющимися акциями.

Несмотря на то что импортные находки могут указывать на достаточно удаленные расстояния, достигающие сотен километров, реально северомесопотамские печати эпохи первобытности документируют торговые контакты общины, которые вряд ли превышали несколько десятков километров. Перемещение сырья на значительные расстояния было результатом многократных актов посреднических обменов. Таким образом,

факт наличия печатей на поселениях эпохи неолита, скорее всего говорит о наличии торговых контактов общины с достаточно близкой округой, в пределах одного-двух дней пешего пути от места обитания.

В ходе полевых работ Месопотамской экспедиции ИА РАН печати и их оттиски были обнаружены на широко исследованных поселениях Ярым-Тепе 1, Ярым-Тепе 2, Ярым-Тепе 3 и Телль Хазна 1. Печати не были зафиксированы в ходе раскопок Телля Магзалийя, Телля Сотто и Кюль-Тепе. Также не было обнаружено печатей на поселениях Шейх-Хомси и Телль Хазна 2. Отсутствие печатей на одновременных поселениях, исследованных экспедицией, объясняется различными причинами. Если на поселении докерамического неолита Магзалийя⁵, где есть очевидные свидетельства импортов (Бадер, 1989. С. 57, 58), это может объясняться отсутствием практики использования печатей в восточной Джелире в это время, то на поселениях более позднего периода (Телль Хазна 2 и Шейх Хомси) для отсутствия такой достаточно редкой категории находок, как печати, могут быть иные причины.

Поселение Телль Хазна 2 было исследовано на ограниченной площади (порядка 100 м²). В халафское время оно представляло собой маленький сезонный лагерь, куда со скотом могла перемещаться не вся община, а только ее ограниченная часть, что должно отражаться на характере находок (Мунчаев, Мерперт, Бадер, Амиров, 1993). Поселение Шейх Хомси было исследовано экспедицией в течение одного полевого сезона (1980 г.) в рамках охранных работ проекта Эски-Мосул. Оно представляет собой, достаточно большой телль, расположенный непосредственно у русла р. Тигр, который всегда (по меньшей мере с начала VI тыс. до н.э.) был магистральным путем контактов южной и северной Месопотамии. Материальная культура этого поселения отражает финальный период убейдской культуры эпохи раннего халколита Северной Месопотамии второй половиной V — начала IV тыс. до н.э. То есть это время, предшествующее появлению цилиндрических печатей, однако это период широкого использования в Северной Месопотамии печатей-штампов (Stein, 2012. P. 136; Reichel, 2002. P. 35, 56; Reichel, 2006. P. 72. Fig. 14; McMahon, 2009. P. 117. Fig. 1). Так что

⁴ Вход в здание также мог опечатываться, в случае если оно сезонно покидалось обитателями. (Wickede, 1990. P. 33, 34).

⁵ Круглый диск из серого камня с гравированным изображением, отмеченный как “подвеска, которая могла быть использована как печать” (Бадер, 1989. С. 64. Табл. 39, 2), вероятнее всего, имел декоративное назначение.

факт необнаружения печатей-штампов в данном месте может объясняться, в указанном культурном контексте, только недостаточной исследованностью площади поселения.

Группа теллей Ярм-Тепе находится в провинции Найнава в северо-западном Ираке. В группу Ярм-Тепе входят поселение хассунской культуры Ярм-Тепе 1 и два памятника, Ярм-Тепе 2 и Ярм-Тепе 3, которые содержат слои халафских поселений. Группа находится примерно в 40 км восточнее русла Тигра в подгорной равнине, в 17 км к ЮВ от Синджарского хребта, в непосредственной близости от русла р. Абра.

Поселение хассунской культуры Ярм-Тепе 1 имеет площадь 2 га, мощность культурного слоя ок. 6.5 м, вскрытая площадь — более 1700 м². Выявлено 12 строительных горизонтов (Мунчаев, Мерперт, 1981. С. 18–28). Поселения Ярм-Тепе 2 и Ярм-Тепе 3 — это два близко расположенных, смыкающихся в основании телля, которые сформированы отложениями одновременно существовавших халафских поселений. Такое расположение может говорить о сложной системной организации двух близких и, вероятно, родственных общин. Ярм-Тепе 2 имел исходную площадь ок. 1.5 га, мощность культурного слоя ок. 7 м. Вскрытая площадь на материке составила 500 м². Выделено 9 строительных периодов (Мунчаев, Мерперт, 1981. С. 163, 164). Поселение Ярм-Тепе 3 имеет диаметр 250 м, мощность культурного слоя 11–12 м, вскрытая площадь — 525 м². Поселение Ярм-Тепе 3 существовало дольше, чем Ярм-Тепе 2. Помимо отложений халафского времени (мощностью порядка 7 м), верхняя часть культурного слоя представляет материальную культуру Северного Убеида (ок. 4 м культурных отложений). В основном раскопе материк не был достигнут, до его уровня удалось спуститься в траншее, разбитой вдоль склона телля.

С точки зрения современного распределения осадков район расположения группы Ярм-Тепе — это маргинальная зона устойчивого дождения, где выпадает менее 300 мм годовых осадков. О степени увлажненности микрорегиона Ярм-Тепе в протохассунское–убейдское время свидетельствует различная плотность заселенности, выявленная разведками, которые провел Н.О. Бадер на площади 10×10 км в районе расположения этих поселений (Бадер, 2008)⁶. В те-

чение гумидного цикла хассунского времени (первая половина VI тыс. до н.э.) это была зона гарантированной урожайности, и здесь выпадало порядка 350 мм годовых осадков⁷. В халафское время (вторая половина VI — начало V тыс. до н.э.), климатическая ситуация была близка к современной, и соответственно, памятники микрорегиона Ярм-Тепе находились в южной полосе “Плодородного полумесяца”, пограничной с точки зрения получения гарантированного урожая. В убейдское время (V тыс. до н.э.) ситуация была несколько более аридной, чем в халафское время (Амиров, 2010. С. 56–58; Амиров, 2014. С. 4).

Халафские поселения, судя по всему, появились в степном поясе к югу от Синджарского хребта после определенного интервала времени, прошедшего после прекращения здесь жизни хассунских поселений. Хотя возможно, что в более северной, и, соответственно, более увлажненной части “Плодородного полумесяца” пережиточные хассунские поселения могли существовать одновременно с заселяющими степной пояс халафскими общинами. Возможно, что пример такого сосуществования был прослежен на поселении Телль Гарсур (Campbell, 1992. Р. 183).

Североубейдских поселений в южном поясе земель “Плодородного полумесяца”, как, впрочем, и на всей площади Джезиры, значительно меньше, чем халафских поселений. Тем не менее североубейдская культура сменила халафскую на фоне поступательной аридизации климата в Северной Месопотамии в результате аккумуляции. Процесс постепенного исчезновения признаков, определяющих облик халафской культуры, был прослежен на поселении Ярм-Тепе 2 (Амиров, 1994. С. 11–15; Амиров, Deoreak, 1997). Было отмечено, что этот процесс происходил синхронно с внедрением поворотного механизма в изготовлении халафской посуды, а также появлением новых морфологических разновидностей керамики и мотивов росписи, которые были принесены в Северную Месопотамию мигрантами, носителями южномесопотамской убейдской культуры. Таким образом, растворение халафской материальной культуры в северо-

⁶ Следует отметить, что аналогичные климатические флуктуации были типичны и для всего пояса “Плодородного полумесяца” (Амиров, 2010. С. 29–31; 36–59).

⁷ Подобный период максимальной гумидности климата в Северной Месопотамии повторился в IV и II тыс. до н.э. В течение одного из этих периодов увлажнения разливами р. Абра, на берегу которой находятся телли Ярм-Тепе 2 и 3, была разрушена западная пола телля Ярм-Тепе 2. Ярм-Тепе по тюркски означает “половина холма”, что и дало название этой группе теллей.

убейдской, судя по всему, было в значительной степени связано с технологическими инновациями (Мунчаев, Амиров, 2016. С. 397). Если говорить непосредственно о группе Ярым-Тепе, то на поселении Ярым-Тепе 2 жизнь прекратилась на этапе переходного халафско-убейдского периода, а на соседнем поселении Ярым-Тепе 3 продолжил существование поселок североубейдской культуры.

Поселение Телль Хазна 1 административно относится к провинции аль-Хасеке в северо-восточной Сирии. Оно расположено в южной части Хабурской степи, около русла вади Ханзир, в зоне неустойчивого неполивного земледелия, где в настоящее время выпадает несколько менее 300 мм годовых осадков (Амиров, 2010. С. 21–34). Поселение Телль Хазна 1 находится примерно в 115 км северо-западнее группы теллей Ярым-Тепе.

Телль Хазна 1 имеет площадь ок. 2 га и мощность культурного слоя ок. 17 м. Вскрытая площадь составляет более 5000 м². В некоторых местах раскопки поселения были доведены до материка. Поселение возникло до середины IV тыс. до н.э., в течение периода Поздний халколит 2–3. Особенностью поселения является его храмовый характер. Монументальные конструкции храмового комплекса были возведены в конце IV тыс. до н.э. Храмово-административный комплекс существовал порядка двух веков, в интервале XXXI–XXX вв. до н.э. После короткого перерыва жизнь на поселении возродилась и продолжилась в материальном оформлении северомесопотамской культуры Ниневия 5. Поселение существовало еще два века, до рубежа XXVIII–XXVII в. до н.э. Заключительный период

жизни на поселении отмечен ухудшением качества жизни и высокой детской смертностью, что было связано с очередным циклом аридизации климата в III тыс. до н.э. (Амиров, 2014).

Печати из Ярым-Тепе 1 (табл. 1, рис. 1). При раскопках поселения Ярым-Тепе 1 обнаружено десять печатей, в том числе одна — из подъемного материала. Печати изготовлены преимущественно (6 экз.) из камня, 4 экз. сделаны из глины. Они разделяются на два типа — печати прямоугольной (рис. 1, 1–5) и округлой формы (рис. 1, 6–10).

Все печати, кроме одной (рис. 1, 9), имеют ушко с отверстием для подвешивания на тыльной стороне. Указанная “печать” — одна из наименьших по размерам (ее диаметр 1.5 см), и она была зафиксирована как случайная находка. В связи с этим остается неясным, можно ли интерпретировать эту находку как печать-штамп, или это предмет иного функционального назначения.

Прямоугольные печати довольно однообразны. Четыре из них (рис. 1, 1–4) изготовлены из серого камня (кварцит?), а одна (рис. 1, 5) из алебаstra. Все прямоугольные печати имеют гравированные изображения в виде прямой и косой перекрестной штриховки. Круглая каменная печать имеет диаметр 2.8 см и содержит гравированное изображение прямоугольного креста, образованного полосами из двух и четырех линий, с заполнением открытых сегментов косой штриховкой (рис. 1, 10).

Глиняные экземпляры отличаются от остальных штампов как стилистически, так и более крупными размерами, достигая в диаметре до 3.7 см (рис. 1, 6–9). В отличие от каменных пе-

Таблица 1. Печати с поселения Ярым-Тепе 1

Table 1. Seals from the settlement of Yarim-Tepe I

Номер позиции на рис. 1	Размеры (см)	Материал	Квадрат	Глубина (м)
1	2.0×1.7×0.8	Камень	37	–2.43
2	3.5×2.5×1.0	—	57-a	–4.05
3	3.5(3.8)×3.8×1.3	—	37-d	–5.26
4	4.6×3.4×1.5	—	27-d	–4.30
5	2.8×1.5(2.0)×1.3	Алебастр	67-b	–3.20
6	3–3.5×2.4	Глина	27	–2.18
7	3.5×2.3	—	27	–2.00
8	≈3.1×1.8	—	38-b	–3.75
9	1.5×1.0	—	—	—
10	2.8×≈1.8	Камень	18-c	—

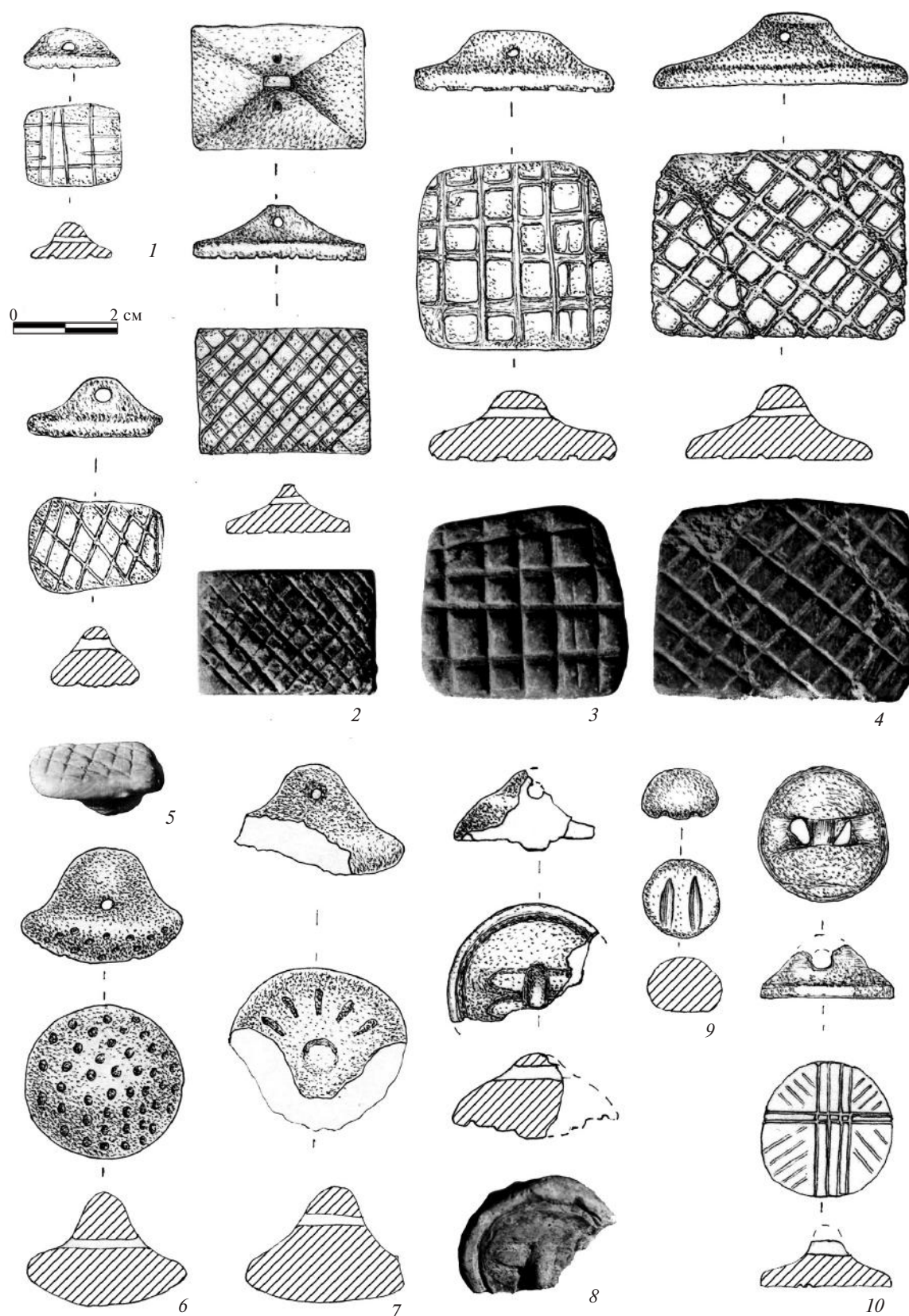

Рис. 1. Ярым-Тепе I. Печати.

Fig. 1. Yarim Tepe I. Seals

чатей (как прямоугольных, так и круглой), декорированных линейными геометрическими фигурами, изображения на глиняных штампах являются уникальными и не повторяются. Одна из этих печатей (рис. 1, 6) имеет многочисленные точечные вдавления. Другая печать (рис. 1, 7) содержит подобие солярного изображения. Оба эти штампа были обнаружены на одном участке в кв. 27 в соседних помещениях № 42 и 39, на очень близких глубинах –2.0 и –2.18 м, и использовались практически одновременно⁸. Однако наиболее интересной представляется глиняная печать, найденная в кв. 38, между помещениями № 357 и 375, на глубине –3.75 м (рис. 1, 8). К сожалению, она сохранилась не полностью. Эта печать содержит изображение личины с обозначенными глазами и носом. Аналогии этому предмету для близкого времени не известны.

Особый, сильно отличающийся от остальных печатей, характер глиняных штампов и их размеры заставляют задуматься о функциональной идентичности этих предметов. Возможно, глиняные штампы из Ярым-Тепе 1, в отличие от каменных печатей, предназначались для какой-либо иной хозяйственной цели, нежели удостоверения собственности. Например, они могли использоваться как штампы-пинтадеры.

Все печати тяготеют к средней и верхней части культурного слоя Ярым-Тепе 1. Самая ранняя печать обнаружена на глубине –5,25 м. В нижней части слоя (это еще около 1.3 м культурных отложений), несмотря на значительную вскрытую площадь, печати не были обнаружены. Создается впечатление, что на Ярым-Тепе 1 зафиксированы первые опыты использования печатей носителями хассунской культуры. Тем более, что на памятниках более раннего времени в этой части Джезиры печати не были отмечены, как, впрочем, они не известны или крайне редки на других хассунских поселениях. Например, печати не были обнаружены ни в Телле Шимшара, ни в Умм Дабагийя, а в Телле Хассуна и Телле Матарра было найдено по одной печати (Wickede. 1990. P. 78–85. Taf. 43, 46).

Небольшое количество обнаруженных печатей не позволяет делать точные выводы о распределении в слое печатей различных форм. Однако, очевидно, что прямоугольные печати-штампы появляются в слое Ярым-Тепе 1 раньше, чем круглые, и используются до позднего

периода жизни поселения. Они отмечены в слое на глубине от –2.43 до –5.25 м. Круглые печати (если отмеченные глиняные штампы из Ярым-Тепе 1 интерпретировать как печати), появляются позднее и продолжают использоваться после того, как прямоугольные печати выходят из употребления. Наиболее поздняя находка круглого глиняного штампа (рис. 1, 7) была обнаружена на глубине –2.0 м.

Поскольку печати-штампы на раннем этапе использования являются отражением торговых контактов, то встает вопрос, что могло быть предметами экспорта из Ярым-Тепе 1? Вероятно, это зерно, ткани, шерсть, керамические сосуды. В качестве импорта следует, прежде всего, отметить сырье для изготовления орудий труда (обсидиан и качественный кремний), изделия из камня и металлов и, возможно, сырье для их изготовления, битум. В течение периода “стандартная Хассуна” к этому набору добавляются многочисленные импорты сосудов самаррской культуры.

Печати из Ярым-Тепе 2 (табл. 2, рис. 2). Следует отметить, что халафскую археологическую культуру отличает исключительная активность торговых контактов в сравнении с первобытными культурами Северной Месопотамии как предшествующего, так и последующего времени. Свидетельством этому являются многочисленные находки печатей-штампов на различных поселениях халафской ойкумены. Непосредственно в ходе раскопок поселения Ярым-Тепе 2 было зафиксировано 20 печатей. Это наибольшее количество находок такого рода среди всех памятников, исследованных российской экспедицией в Синджарской степи. Учитывая, что культурный слой поселения Ярым-Тепе 2 был в значительной степени разрушен водными потоками, мы вправе предполагать, что здесь исходно имелось существенно большее количество таких предметов. Можно констатировать как факт вовлечения в торгово-обменные отношения значительной части членов общины Ярым-Тепе 2, так и высокую степень интенсивности таких контактов.

Как свидетельствуют находки, объектами импорта для носителей халафской культуры было минеральное сырье, отсутствующее в степной зоне Северной Месопотамии. Прежде всего это обсидиан, битум, декоративные камни, иногда металлы, которые использовались для изготовления орудий труда, поделок, включая печати

⁸ Здесь и далее все глубины указываются от репера – условного 0.

Таблица 2. Печати с поселения Ярым-Тепе 2

Table 2. Seals from the settlement of Yarim-Tepe 2

Номер позиции на рис. 2	Размеры (см)	Материал	Квадрат	Глубина (м)
1	1.5×2.3	Камень	28-с, север	–2.05
2	1×1.3	—	18-b	–3.80
3	1.7×2.8	—	29-север	–3.70
4	1.5×1.8	—	29-север	–4.35
5	1.3×1.8	Горный хрусталь	29-b, север	–4.35
6	1.1×1.7	Камень	29-d	–4.40
7	2.2×2.6	—	24-d, север	–3.50–4.00
8	1.1×2.4	—	23-a, север	–4.25–4.30
9	1.6×2	—	28, север	–4.65–4.90
10	1.5×2.1	—	18-a	–4.45
11	1.2×1,8	—	29-a	–4.00
12	1.7×2.4	—	18-с	–5.35
13	1.6×1.8	—	23-с, запад	–5.50
14	1.4×2.4	—	—	—
15	2.3×3	Горный хрусталь	29-a, юг	–4.90
16	1.4×2.5	Камень	24-a, восток	–5.60
17	1.1×0.8	—	28-d	–5.45
18	1.2×1.4	—	23-d, северо-запад	–6.25
19	1.1×1.6	Медь	28-b	–6.4
20	2×2.4	Камень	19-a, юго-восток	–5.50–5.65

и украшения. Эти же находки свидетельствуют, что сеть опосредованной торговли в халафское время распространялась на значительное расстояние и была ориентирована в большей мере на северное и восточное направления. Нельзя, правда, отрицать и другие направления контактов. Так, например, влияния на Синдjarскую степь с юга Месопотамии происходили как за счет торговых операций, так и, в значительной степени, начиная с среднего халафского этапа, за счет физической миграции вдоль русла Тигра носителей убейдской культуры.

В качестве предметов экспорта общины Ярым-Тепе 2 можно предположить продукты земледелия (прежде всего зерно), возможно, шерсть и ткани, а также высококачественную расписную керамическую посуду, которая в массовом количестве изготавливалась на многих халафских поселениях, и в частности, непосредственно на Ярым-Тепе 2, о чем свидетельствуют находки конструктивно сложных гончарных горнов. Здесь надо сказать, что торговля керамическими сосудами была характерной чертой торговых операций в халафское время. Например, изотопный анализ халафских сосудов по-

зволил проследить систему торговых контактов на основе циркуляции халафской расписной керамики за пределами центров их производств, которые осуществляла халафская община Арпачии и других поселений (Davidson and McKerrell, 1976; Davidson and McKerrell, 1980). В результате посреднической торговли керамические изделия из отдельных центров производства могли распространяться на достаточно удаленные расстояния. Видимо, именно эта модель послужила основной причиной широкого и быстрого распространения халафской эксклюзивной керамики, а следовательно, и основных технологических и морфологических новаций и изобразительных мотивов вдоль всей полосы “Плодородного полумесяца” и за его пределами. Халафская керамика и подражания ей известны от северной части Южной Месопотамии, где халафские влияния были отмечены на поселениях Ра’с аль-Амийа (Stronah, 1961), Телль Сонгор (Kamada, Ohtsu, 1993), Телль Абада (Jasim, 1981; 1983), до поселений Закавказья, расположенных на Араксе, в частности, на Кюль Тепе (Абибуллаев, 1963; Мунчаев, 1975. С. 97–104), и от Левантийского региона, где халафские имитации отмечены в культуре Вади Раббах, (Kaplan, 1958),

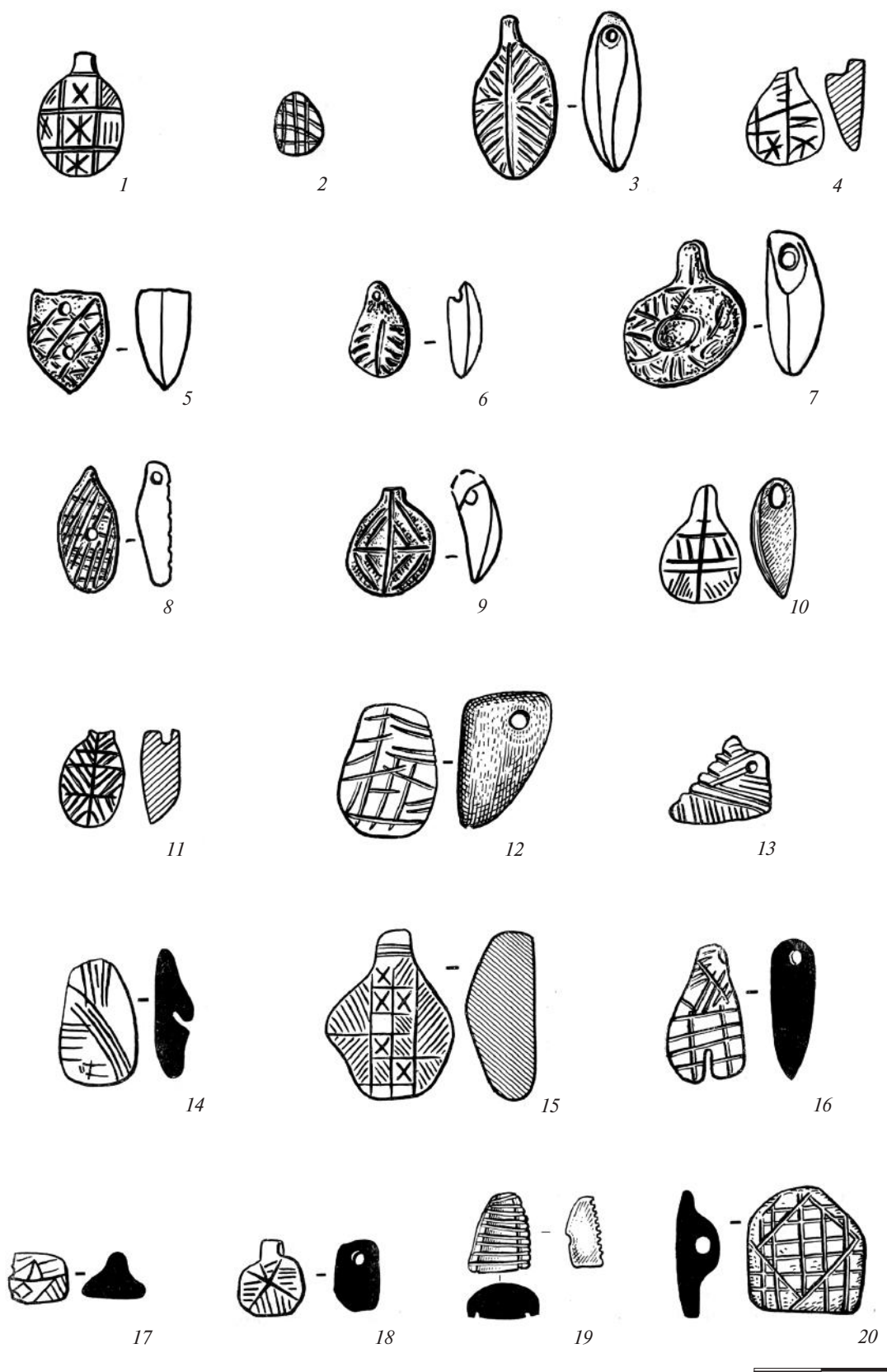

Рис. 2. Ярым-Тепе 2. Печати.

Fig. 2. Yarim Tepe 2. Seals

в Мерсине (Garstang, 1953) и других местонахождениях, до Западноиранского нагорья (Levine, McDonald., 1977).

Необходимо сказать, что территория халафской ойкумены значительно меньше территории распространения ее расписной керамики, тем не менее, она значительно превышала площадь распространения хассунской культуры предшествующего времени. Халафская керамика и халафские поселения (типа Домуз Тепе; Сакче-Гезу; Джудейде и др.) известны за Евфратом в Левантийском регионе, на территории бытования культуры темнолощенной керамики культуры DFBW. Причем, надо отметить также, что в предшествующее хассунское время темнолощенная керамика была широко распространена в западной части Джебзире, по меньшей мере до Балиха включительно.

Девятнадцать печатей, обнаруженных в Ярым-Тепе 2, изготовлены из различных пород камня⁹; еще одна печать сделана из меди. (Мунчаев, Мерперт, 1981. С. 225–227. Рис. 71). Последний предмет уникален, он представляет собой древнейшую из известных металлическую печать. Печати, сделанные из глины, в Ярым-Тепе 2 не обнаружены. Поскольку поделочный камень, равно как и самородная медь в Синджарской степи отсутствуют, то весь набор печатей изготовлен из материалов, которые поступили на поселение в результате обмена. Этот факт говорит как об относительном благополучии общины, так и о возможности осуществления торговых контактов с районами происхождения этих природных материалов, а также о направлении этих контактов. Вероятнее всего, поделочный камень в степную зону Джебзире поступал из горных районов Северного Загроса и Тавра. Мы не можем утверждать, что халафские общины Синджарской степи, и, в частности, Ярым-Тепе 2 и Ярым-Тепе 3 непосредственно приобретали сырье и сами занимались изготовлением печатей-штампов. Вероятнее всего, эти изделия на халафские поселения, расположенные западнее течения Тигра, попадали в результате посреднической торговли. Вполне вероятно, что и сами печати-штампы, обнаруженные на поселениях внутренних районов Джебзире, могли быть изготовлены как на месте, так и на одном из ха-

лафских поселений типа Арпачии или Айлюна. Подобные поселения, расположенные в степной Джебзире, но в непосредственной близости от гор, благодаря своему географическому положению имели наиболее интенсивные обменные контакты с общинами, контролировавшими месторождения сырья.

Большинство печатей из Ярым-Тепе 2 имеет геометрически неправильные “каплевидные” очертания, округлой или овальной формы. Одна из них (рис. 2, 16) имеет раздвоенное основание, как будто имитирует копыто парнокопытного животного, еще одна печать имеет штамп подтреугольной формы (рис. 2, 13). Двенадцать печатей-штампов выглядят как подвески и имеют выраженное ушко (петлю) с отверстием для подвешивания в верхней части. Вероятнее всего, такие печати их владелец носил на шнурке, надетом на шею. Пять печатей имели ушко на тыльной стороне, подобно печатям хассунской культуры из Ярым-Тепе 1. По меньшей мере две печати, изготовленные из камней подтреугольной формы (рис. 2, 12, 13) имеют отверстие без моделированного ушка.

Все изображения на халафских печатях-штампах абстрактные и выполнены гравировкой. Выделяются бессистемные (рис. 2, 4, 7, 12–14, 17) и геометрически правильные изображения (рис. 2, 1–3, 5, 6, 8–11, 15, 18–20). Самыми распространенными мотивами среди геометрически правильных изображений являются разновидности решетчатых, перекрещенных линий, вроде прямой и косой решетки и их сочетаний. Могут быть отмечены несколько разновидностей этих мотивов. Прямая решетка (рис. 2, 1, 15, 19) часто представлена в виде варианта “шахматная доска”, когда клетки заполнены крестиками и штриховкой (рис. 2, 1, 15). Печати с мотивом “косая штриховка” (рис. 2, 2, 5, 8) иногда имеют кроме изображения решетки еще и отдельные гравированные точки. Печать № 20 имеет в качестве основного мотива прямую решетку, которую пересекают диагональные линии, образующие квадрат. Композиция на печати № 16 объединяет прямую решетку и бессистемно перекрещенные линии. Кроме того, геометрические изображения имеют центрально организованные композиции (рис. 2, 3, 7, 9–11, 18), которые делятся на имеющие в качестве центра перекрещенные линии (рис. 2, 3, 9–11) и точку или радиально расходящиеся из центральной точки линии (рис. 2, 7, 18).

⁹ Было отмечено, что печати изготовлены главным образом из стеатита и серпентина, но имеются также мраморные, песчаниковые и диоритовые различных цветов (черного (5 экз.) и по 1 экз. зеленого, серого, желтого, красного, розового и фиолетового); 2 печати сделаны из горного хрусталя.

Семь печатей повреждены, как правило, они имеют поломанное ушко, вероятнее всего, в результате использования (рис. 2, 4–6, 9, 11, 14, 19). Остальные, судя по всему, целые, из них два предмета представлены заготовками (рис. 2, 15, 17): у них отсутствует отверстие в ушке. Этот факт может указывать на их изготовление непосредственно на поселении Ярым-Тепе 2.

В древнейшем IX слое Ярым-Тепе 2 была найдена поврежденная медная печать (рис. 2, 19) (Merpert, Munchaev, 1993. Р. 142. Fig. 8, 10). Она была обнаружена в закладе, под полами большого толоса № 67 (кв. 28-b), на глубине ок. –6.45 м, вместе с костями животных, фрагментами расписного сосуда, семью пряслицами, каменной подвеской овальной формы и обломком нижней части глиняной женской статуэтки. Еще одна печать найдена в кв. 18-с на глубине –5.35 м, на полу толоса № 48 (рис. 2, 12). Несколько печатей было обнаружено в прямоугольных постройках. Например, в кв. 29-b, в нижней половине заполнения постройки № 211, на глубине –4.35 м находились две печати (рис. 2, 4, 5), по одной – в кв. 29-d, в помещении № 205, на глубине –4.40 м (рис. 2, 6) и в кв. 24-a, в постройке № 288, на глубине –5.60 (рис. 2, 16); на полах прямоугольных конструкций в кв. 29-с, на глубине –3.70 (рис. 2, 3), в кв. 18-a, на глубине –4.45 (рис. 2, 10). Две печати найдены в ямах: в кв. 23-a, в яме № 23, на глубине –4.30 м (рис. 2, 8), и в кв. 23-d, в яме № 40, на глубине –6.25 м (рис. 2, 18). Одна печать была обнаружена в кв. 28-с, в заполнении очага № 238 со следами кремации, на глубине –4.65–4.90 (рис. 2, 9). Остальные 9 печатей (рис. 2, 1, 2, 7, 11, 13–15, 17, 20) были обнаружены в слое поселения вне комплексов или как случайные находки.

Таким образом, из 11 печатей, найденных в комплексах, только 2 (поврежденная медная печать в ритуальном закладе, целая печать на полу) находились в круглоплановых сооружениях, интерпретируемых, как жилые конструкции. Пять печатей (как поврежденных, так и целых) были обнаружены в прямоугольных конструкциях, которые принято считать хозяйственными постройками, и еще две печати (обе неповрежденные) были найдены в заполнении хозяйственных ям.

Большинство печатей (17 экз.) из Ярым-Тепе 2 находились в нижней половине культурного слоя телля, в интервале глубин от –6.40 до –4.00 м. В верхней части слоя количество печатей резко уменьшается. Выше отметки –4.00 м обнаружено всего три печати. Последняя печать

была найдена на глубине –2.05 м. Если посмотреть на послойное распределение количества печатей в культурном слое Ярым-Тепе 2, то картина будет следующей:

IX строительный горизонт (условные слои 31–34¹⁰, глубина –6.80 ... –6.00 м) – 2 экз. (рис. 2, 18; 19);

VIII–VII строительные горизонты (условные слои 25–30, глубина –6.00 ... –4.80 м) – 6 экз. (рис. 2, 20, 17, 16, 15, 13, 12);

VI–IV строительные горизонты (условные слои 24–12, глубина –4.80 ... –2.0 м) – 10 экз. (рис. 2, 11, 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2).

III–I строительные горизонты (условные слои 11–6, глубина –2.20 ... –1.00 м) – 1 экз. (рис. 2, 1).

В соответствии с предложенной периодизацией культурного слоя Ярым-Тепе 2 строительный горизонт IX соответствует второй половине раннего халафского периода; VIII–VII – среднему периоду халафской культуры; VI–IV – позднему периоду халафской эволюции. III–I (выше отметки –2.20 м) – переходному халафско-убейдскому периоду.

Обращает на себя внимание, что печати с ушком на тыльной стороне тяготеют к нижней части культурного слоя Ярым-Тепе 2 (между отметками –6.60 и –5.45 м), а печати каплевидной формы с ушком для подвешивания – к верхней части верхней части культурного слоя поселения (между отметками –5.60 и –2.05 м).

С точки зрения диахронного анализа мотивов и композиций, изображенных на печатях, жестких закономерностей проследить не удастся. Геометрически правильные композиции на печатях были известны на протяжении всей жизни поселения. Печати, содержащие композиции из бессистемных линий, были зафиксированы примерно между отметками –5.60 и –4.35 м, но следует учитывать, что подобные композиции использовались значительно реже.

Таким образом, можно утверждать, что печати применялись на поселении Ярым-Тепе 2 практически с самого начала существования поселения, но наиболее активно они использовались в течение первой половины жизни поселения, в интервале от второй половины раннего до

¹⁰ Условные слои были предложены для максимально подробного анализа количественного распределения в слое Ярым-Тепе 2 массовой расписной керамики (Амиров, 1994; Amirov, Deorpeak, 1997).

первой половины позднего периода халафской эволюции. Со второй половины позднего халафского периода количество печатей сокращается, достигая минимума в слоях переходного халафско-убейдского периода. Правда, здесь следует помнить, что верхняя часть слоя Ярым-Тепе 2 значительно больше пострадала от разливов реки, и этот факт мог повлиять на распределение количества печатей в слое. Однако уменьшение количества находок печатей могло быть также связано как с природно-климатическими, так и с социальными причинами.

Чтобы оценивать хронологические закономерности в количественном распределении печатей в слое Ярым-Тепе 2, надо отметить, что облик классической халафской культуры определяет одновременное присутствие трех важных признаков, а именно, наличие круглоплановых архитектурных конструкций (так называемых толосов), расписной керамики и характерных женских статуэток. Последний слой Ярым-Тепе 2, где эти признаки халафской культуры представлены вместе в органическом единстве, это строительные горизонты V–IV (условные слои 18–13), которые соответствуют второй половине позднехалафского периода. В верхних строительных горизонтах III–I, с одной стороны, отмечено интенсивное изменение морфологии и декора халафской расписной керамики (включая появление отдельных элементов убейдской росписи) (Merpert, Munchaev, 1993. P. 129–138; Амиров, 1994. С. 14–15), а с другой стороны, происходит постепенное разрушение архитектурного облика типичного халафского поселения, которое характеризуется сочетанием круглоплановых жилищ и прямоугольных хозяйственных сооружений. В верхних слоях (правда, частично разрушенных) количество круглоплановых конструкций сильно сокращается. Такие же наблюдения связаны с распределением в слое женских статуэток. Последняя женская статуэтка в слое Ярым-Тепе 2 была обнаружена в прямоугольной конструкции № 14, относящейся к III строительному горизонту. Таким образом очевидно, что в течение переходного халафско-убейдского периода на поселении Ярым-Тепе 2 происходит изменение облика халафской культуры, и разрушается ее органическая целостность. В течение этого же периода фиксируется минимальное количество печатей (один предмет), а это означает, что торговые контакты общины также были минимальны¹¹.

¹¹ Продолжение статьи см. в следующем номере РА.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абибуллаев О.А. Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане // СА. 1963. № 3. С. 157–168.
- Амиров Ш.Н. Морфология керамики халафской культуры Северной Месопотамии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1994. 18 с.
- Амиров Ш.Н. Хабурская степь Северной Месопотамии в IV–III тыс. до н.э. М.: Таус, 2010. 412 с.
- Амиров Ш.Н. Месопотамско-кавказские связи в IV–III тысячелетиях до н.э. в свете климатических флуктуаций // КСИА. 2014. Вып. 233. С. 3–17.
- Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989. 365 с.
- Бадер Н.О. Разведки Российской археологической экспедиции в Северной Месопотамии // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: Таус, 2008. С. 309–319.
- Бочковой В.В., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Резепкин А.Д. Материалы поселения Чекон и классификация керамики майкопской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2 / Ред. В.А. Алексин и др. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. С. 95–100.
- Личели В., Самсония Н. Месопотамские печати из поселения Граклиани // Международная научная конференция “Археология, этнология, фольклористика Кавказа”. Тбилиси, 2010. С. 182–184 (на груз. яз.).
- Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 476 с.
- Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. Т. 2. М.: Таус, 2016. 604 с.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: Наука, 1981. 320 с.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М.: Палеограф, 2004. 486 с.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Амиров Ш.Н. Телль Хазна II – раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // РА. 1993. № 4. С. 25–42.
- Нехаев А.А. Погребение майкопской культуры из кургана у села Красногвардейское // СА. 1986. № 1. С. 244–248.
- Пилипосян А.С. Печати Армянского Нагорья в системе древневосточной глиптики. Ереван, 1988. 248 с. (На арм. яз.; резюме на рус. и англ. яз.).
- Amiet P. La glyptique mesopotamienne archaïque. 2e éd. rev. et corr. avec un supplément. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1980. 522 p.
- Amirov Sh. N. The life and death of Tell Hazna I settlement // Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (Warsaw, April 30–May 4, 2012). V. 1 / Ed. by P. Bieliński et al. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014. P. 323–334.

- Amirov Sh.N., Deopeak D.V.* Morphology of Halafian painted pottery from Yarim-Tepe 2, Iraq (using computerized shape analysis) // *Baghdader Mitteilungen*. 1997. V. 28. P. 69–85.
- Campbell St.* The Halaf Period in Iraq: Old Sites and New // *The Biblical Archaeologist*. 1992. V. 55, no. 4. P. 182–187.
- Collon D.* First Impressions: Cylinder Seals in the Ancient Near East. Chicago: University Chicago press; London: British Museum Publications, 1987. 208 p., 968 ill.
- Davidson T.E., McKerrell H.* Pottery Analysis and Halaf Period Trade in the Khabur Headwaters. Region // Iraq. 1976. V. 38. № 1. P. 45–56.
- Davidson T.E., McKerrell H.* The neutron activation analysis of Halaf and 'Ubaid pottery from Tell Arpachiyah and Tepe Gawra // Iraq. 1980. V. 42. № 2. P. 155–167.
- Denham C.* The Meaning of late Neolithic stamp seals in North Mesopotamia: A thesis submitted to the University of Manchester for the degree of PhD in the faculty of Humanities, school of arts, languages and cultures. Manchester, 2013. 363 p.
- Duistermaat K.* Private matters: The Emergence of sealing practices in Neolithic Syria // *Interpreting the late Neolithic of Upper Mesopotamia* / Ed. O.P. Nieuwenhuys et al. Turnhout: Brepols, 2013. P. 315–322.
- Garstang J.* Prehistoric Mersin, Oxford: Oxford University Press, 1953. 263 p.
- Jasim S.A.* Excavations at Tell Abada, Iraq // *Paleorient*. 1981. V. 7. № 2. P. 101–104.
- Jasim S.A.* Excavations at Tell Abada: A Preliminary Report // Iraq. 1983. V. 45. № 2. P. 145–185.
- Kamada H., Ohtsu T.* Third report on excavations at Songor A // *Al-Rafidan*. 1993. V. XIV. P. 183–200.
- Kaplan J.* Excavations at Wadi Rabah // *Israel Exploration Journal*. 1958. V. 8. P. 149–160.
- Levine L.D., McDonald M.M.A.* The Neolithic and Chalcolithic periods in the Mahidasht // *Iran*. 1977. V. 15. P. 39–50.
- Makkay J.* Early stamp seals in south-east Europe. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984. 157 p.
- McMahon A.* The lion, the king and the cage: Late Chalcolithic iconography and ideology in northern Mesopotamia // Iraq. 2009. V. 71. P. 115–124.
- Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. London: Thames and Hudson, 1975. 300 p.
- Merpert N. Ya., Munchaev R.M.* Yarim Tepe II. The Halaf levels // *Early stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq*. Tucson; London: The University of Arizona Press, 1993. P. 129–162.
- Oates J., Oates D.* An Open Gate: Cities of the Fourth Millennium BC (Tell Brak 1997) // *Cambridge Archaeological Journal*. 1997. V. 7. № 2. P. 287–307.
- Pittman H.* Towards an Understanding of the Role of Glyptic Imagery in the Administrative Systems of Proto-literate Greater Mesopotamia // *Archives Before Writing: Proceedings of the International Colloquium, Oriolo Romano (October 23–25, 1991, Roma)* / Ed. P. Ferioli et al. Roma: Ministero per i beni culturali e ambientali, Ufficio centrale per i beni archivistici, 1994. P. 177–203.
- Pittman H., Potts D.T.* The earliest cylinder seal in the Arabian Peninsula // *Arabian archaeology and epigraphy*. 2009. V. 20. № 2. P. 109–121.
- Reichel C.* Administrative complexity in Syria during the 4th millennium BC: The seals and sealings from Tell Hamoukar // *Akkadica*. 2002. V. 123, no. 1. P. 35–56.
- Reichel C.* Hamoukar // *Oriental Institute Annual Report 2005–2006*. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 2006. P. 65–77.
- Rova E.* Ricerche sui sigilli a cilindro vicino-orientali del periodo di Uruk/Jemdet Nasr. Roma: Istituto per l'Oriente, 1994 (*Oriens Antiqui Collectio*; V. 20). P. 279–293.
- Sagona A., Zimansky P.* Ancient Turkey. London; New York: Routledge, 2009. 420 p.
- Skeates R.* Neolithic Stamps: Cultural Patterns, Processes and Potencies // *Cambridge Archaeological Journal*. 2007. V. 17. № 2. P. 183–198.
- Stein G.J.* The Development of Indigenous Social Complexity in Late Chalcolithic Upper Mesopotamia in the 5th–4th Millennia BC – an initial Assessment // *Orini*. 2012. V. XXXIV. P. 125–151.
- Stronah D.* Excavations at Ras al'Amiya // Iraq. 1961. V. 23. № 1–2. P. 95–121.
- Wickede A.* Prahistorische Stempelglyptik in Vorderasien. München: Profil Verlag, 1990. 334 S.

HOMO DOMINUS. MARKS OF PROPERTY IN NORTHERN MESOPOTAMIA OF THE LATE PREHISTORIC PERIOD (PART 1)

Rauf M. Munchaev*, Shakhmardan N. Amirov**

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: raufmunchaev@mail.ru

**E-mail: shakhmardan@mail.ru

The article presents a diachronic analysis of the markings of property (seals) found by the Russian archaeological expedition investigation of Northern Mesopotamia sites of different periods, from the Hassuna culture to the culture of the Ninevite 5 period, dated between the second half of the 7th to the early 3rd millennium BC.

Keywords: stamp seal, cylinder seals, the Hassuna culture, the Halaf culture, the Ubaid culture, the Late Chalcolithic of Northern Mesopotamia, the Ninevite 5 culture.

REFERENCES

- Abibullaev O.A., 1963. Some results of investigating Kul' Tepe hill in Azerbaijan. *SA [Soviet Archaeology]*, 3, pp. 157–168. (In Russ.)
- Amiet P., 1980. La glyptique mesopotamienne archaïque. 2e éd. rev. et corr. avec un supplément. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique. 522 p.
- Amirov Sh.N., 1994. Morfologiya keramiki khalafskoy kul'tury Severnoy Mesopotamii: avtoreferat dissertatsii... kandidata istoricheskikh nauk [Morphology of the Halaf Pottery of Northern Mesopotamia: the author's abstract of the Doctoral Thesis in History]. Moscow: IA RAN. 18 p. (In Russ.)
- Amirov Sh.N., 2010. Khaburskaya step' Severnoy Mesopotamii v IV–III tys. do n.e. [Habur steppe of Northern Mesopotamia in the 4th–3rd millennia BC]. Moscow: Taus. 412 p.
- Amirov Sh.N., 2014. The life and death of Tell Hazna I settlement. *Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (2012)*, 1. P. Bieliński, ed. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, pp. 323–334.
- Amirov Sh.N., 2014. Mesopotamian-Caucasian connections in the 4th–3rd millennia BC in the light of climatic fluctuations. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 233, pp. 3–17. (In Russ.)
- Amirov Sh.N., Deopeak D.V., 1997. Morphology of Halafian painted pottery from Yarim-Tepe 2, Iraq (using computerized shape analysis). *Baghdader Mitteilungen*, 28, pp. 69–85.
- Bader N.O., 1989. Drevneyshie zemledel'tsy Severnoy Mesopotamii [The earliest agricultural people of Northern Mesopotamia]. Moscow: Nauka. 365 p.
- Bader N.O., 2008. Reconnaissance of the Russian Archaeological Expedition in Northern Mesopotamia. *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka [Archaeology of the Caucasus and the Middle East]*. Moscow: Taus, pp. 309–319. (In Russ.)
- Bochkovoj V.V., Marchenko I.I., Limberis N. Ju., Rezepkin A.D., 2012. Maikop culture settlement of Chekon. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami [Cultures of the steppe zone of Eurasia and their interaction with ancient civilizations]*, 2. V.A. Alekshin, ed. St. Petersburg: IIMK RAN; Periferiya, pp. 95–100. (In Russ.)
- Campbell St., 1992. The Halaf Period in Iraq: Old Sites and New. *The Biblical Archaeologist*, vol. 55, no. 4, pp. 182–187.
- Collon D., 1987. First Impressions: Cylinder Seals in the Ancient Near East. Chicago: University Chicago press; London: British Museum Publications. 208 p., 968 ill.
- Davidson T.E., McKerrell H., 1976. Pottery Analysis and Halaf Period Trade in the Khabur Headwaters. Region. *Iraq*, vol. 38, iss. 1, pp. 45–56.
- Davidson T.E., McKerrell H., 1980. The neutron activation analysis of Halaf and 'Ubaid pottery from Tell Arpachiyah and Tepe Gawra. *Iraq*, vol. 42, iss. 2, pp. 155–167.
- Denham C., 2013. The Meaning of late Neolithic stamp seals in North Mesopotamia: A thesis submitted to the University of Manchester for the degree of PhD in the faculty of Humanities, school of arts, languages and cultures. Manchester. 363 p.
- Duistermaat K., 2013. Private matters: The Emergence of sealing practices in Neolithic Syria. *Interpreting the late Neolithic of Upper Mesopotamia*. O.P. Nieuwenhuyse, ed. Turnhout: Brepols, pp. 315–322.
- Garstang J., 1953. Prehistoric Mersin. Oxford: Oxford University Press. 263 p.
- Jasim S.A., 1981. Excavations at Tell Abada, Iraq. *Paleorient*, vol. 7, iss. 2, pp. 101–104.
- Jasim S.A., 1983. Excavations at Tell Abada: A Preliminary Report. *Iraq*, vol. 45, iss. 2, pp. 145–185.
- Kamada H., Ohtsu T., 1993. Third report on excavations at Songor A. *Al-Rafidan*, XIV, pp. 183–200.
- Kaplan J., 1958. Excavations at Wadi Rabah. *Israel Exploration Journal*, 8, pp. 149–160.
- Levine L.D., McDonald M.M.A., 1977. The Neolithic and Chalcolithic periods in the Mahidasht. *Iran*, 15, pp. 39–50.
- Licheli V., Samsoniya N., 2010. Mesopotamian seals from the settlement of Grakliani. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Arkheologiya, etnologiya, fol'kloristika Kavkaza» [International scientific conference "Archaeology, ethnology, folklore studies of the Caucasus"]*. Tbilisi, pp. 182–184. (In Georgian).
- Makkay J., 1984. Early stamp seals in south-east Europe. Budapest: Akadémiai Kiadó. 157 p.
- McMahon A., 2009. The lion, the king and the cage: Late Chalcolithic iconography and ideology in northern Mesopotamia. *Iraq*, 71, pp. 115–124.
- Mellaart J., 1975. The Neolithic of the Near East. London: Thames and Hudson. 300 p.
- Merpert N. Ya., Munchaev R.M., 1993. Yarim Tepe II. The Halaf levels. *Early stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq*. Tucson; London: The University of Arizona Press, pp. 129–162.
- Munchaev R.M., 1975. Kavkaz na zare bronzovogo veka [The Caucasus at the dawn of the Bronze Age]. Moscow: Nauka. 476 p.
- Munchaev R.M., Amirov Sh.N., 2016. Tell' Khazna I. Kul'tovo-administrativnyy tsentr IV–III tys. do n.e. v Severo-vostochnoy Sirii [Tell Hazna I. A cult and administrative centre of the 4th–3rd millennia BC in North-eastern Syria], 2. Moscow: Taus. 604 p.
- Munchaev R.M., Merpert N. Ya., 1981. Rannezemledel'cheskie poseleniya Severnoy Mesopotamii [Early agricultural settlements of Northern Mesopotamia]. Moscow: Nauka. 320 p.
- Munchaev R.M., Merpert N. Ya., Amirov Sh.N., 2004. Tell' Khazna I. Kul'tovo-administrativnyy tsentr IV–III tys. do n.e. v Severo-Vostochnoy Sirii [Tell Hazna I. A cult and administrative centre of the 4th–3rd millennia BC in Northeastern Syria]. Moscow: Paleograf. 486 p.

- Munchaev R.M., Merpert N. Ya., Bader N.O., Amirov Sh.N.*, 1993. Tell Hazna II — an early agricultural settlement in Northeastern Syria. *Ross. Arkheol.*, 4, pp. 25–42. (In Russ.)
- Nekhaev A.A.*, 1986. The Maikop culture burial from the mound near Krasnogvardeyskoe. *SA [Soviet Archaeology]*, 1, pp. 244–248. (In Russ.)
- Oates J., Oates D.*, 1997. An Open Gate: Cities of the Fourth Millennium BC (Tell Brak 1997). *Cambridge Archaeological Journal*, vol. 7, iss. 2, pp. 287–307.
- Piliposyan A.S.*, 1988. Pechati Armyanskogo Nagor'ya v sisteme drevnevostochnoy gliptiki. Erevan. 248 p. (In Armenian; resume in Russian and English).
- Pittman H.*, 1994. Towards an Understanding of the Role of Glyptic Imagery in the Administrative Systems of Proto-literate Greater Mesopotamia. *Archives Before Writing: Proceedings of the International Colloquium, Oriolo Romano (1991)*. P. Ferioli, ed. Roma: Ministero per i beni culturali e ambientali, Ufficio centrale per i beni archivistici, pp. 177–203.
- Pittman H., Potts D.T.*, 2009. The earliest cylinder seal in the Arabian Peninsula. *Arabian archaeology and epigraphy*, vol. 20, no. 2, pp. 109–121.
- Reichel C.*, 2002. Administrative complexity in Syria during the 4th millennium BC: The seals and sealings from Tell Hamoukar. *Akkadica*, vol. 123, no. 1, pp. 35–56.
- Reichel C.*, 2006. Hamoukar. *Oriental Institute Annual Report 2005–2006*. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, pp. 65–77.
- Rova E.*, 1994. Ricerche sui sigilli a cilindro vicino-orientali del periodo di Uruk/Jemdet Nasr. *Orientalis Antiqui Collectio*, 20, Istituto per l'Oriente. Roma: "C. Nallino", pp. 279–293.
- Sagona A., Zimansky P.*, 2009. Ancient Turkey. London; New York: Routledge. 420 p.
- Skeates R.*, 2007. Neolithic Stamps: Cultural Patterns, Processes and Potencies. *Cambridge Archaeological Journal*, vol. 17, iss. 2, pp. 183–198.
- Stein G.J.*, 2012. The Development of Indigenous Social Complexity in Late Chalcolithic Upper Mesopotamia in the 5th–4th Millennia BC — an initial Assessment. *Origini*, XXXIV, pp. 125–151.
- Stronah D.*, 1961. Excavations at Ras al'Amiya. *Iraq*, vol. 23, iss. 1–2, pp. 95–121.
- Wickede A.*, 1990. Prahistorische Stempelglyptik in Vorderasien. München: Profil Verlag. 334 p.